

В этом утверждении было так много неправильного, так много неправильного в этой ситуации, что Гарри даже не знал, с чего начать. "Ты мертв. Но ты здесь, ты... ты призрак?"

Фред покачал головой. "Я так не думаю, они могут видеть меня и говорить со мной, но они другие. Я другой".

""Что ты такое?""

" Не могу. Я думаю, что я застрял".

Гарри вздрогнул, его руки поползли вверх по сторонам лица, чтобы прижаться к ушам. Шепот уже не был просто отчаянным, он стал громче, злее и требовал, чтобы его услышали. Они не были слишком громкими, он все еще мог слышать собственное дыхание, стук ног о ковер, но бормотание этих голосов было сравнимо с медленным стуком зазубренных ногтей по меловой доске.

"Они не любят, когда их игнорируют". Фред наклонил голову, услышав то, чего не мог услышать Гарри. "Они хотят, чтобы ты их слушал".

"Да? Тогда передай им, чтобы они не задерживали дыхание. Их голоса шершавые, как помехи, я не смог бы слушать, даже если бы захотел".

"Им это не нравится".

"Мне это не нравится".

Тени, притаившиеся на краю его зрения, недовольно извивались, они становились всё длиннее, вытягивались, тянулись к нему, а потом вдруг отступили. Гарри вздрогнул и неловко сжал челюсти: диссонанс между каждым шепотом, каждым стоном, каждым воплем пронзил каждый висок не совсем болью, но точно дискомфортом.

"Хватит."

"Они просто хотят, чтобы их услышали".

"Я сказал, хватит. Заткнись!"

Щелкнул выключатель, и голоса смолкли, а Фред отшатнулся назад, пораженный невидимой силой, сжимающей его челюсть. Как бы в противовес этому, челюсть Гарри распахнулась. Он на мгновение остолбенел от того, как мгновенно отреагировал на его гнев.

"Извините, я не хотел кричать".

Не задумываясь, он протянул руку и схватил Фреда за локоть, как бы помогая ему восстановить равновесие. Часть Гарри ожидала, что его рука пройдёт сквозь конечность: несмотря на отрицание, Фред должен был быть призраком, другого объяснения его присутствию не было. Но рука Гарри встретила твердую, если не сказать слишком прохладную плоть.

Потребовалось мгновение, чтобы контакт был зафиксирован, он произошёл неосознанно и в тот момент, когда между ними промелькнули два глаза. Долгую секунду они были абсолютно неподвижны, но потом всё-таки это произошло, и Гарри понял, что прикосновение не причинило Фреду боли, как опасался рыжий, оно причинило боль ему самому.

Сначала это был зуд, очень неприятное ощущение, обещавшее боль, если его вовремя не снять. Но затем зуд превратился в жжение, которое исходило от места встречи Гарри с Фредом и распространялось по всему телу до глубины души. Гарри отдернул руку и, пошатываясь, отступил на несколько шагов, но вред уже был нанесен; он издал страдальческое хныканье, когда кровь превратилась в кислотный осадок, но продолжала с трудом течь по венам и прожигать путь к сердцу.

Судорожные руки рвали тонкую, изношенную ткань рубашки, открывая доступ к зудящей, горячей, мучительной плоти под ней. Он царапал до тех пор, пока кровавые борозды не прочертили жгучие дорожки по его торсу, но тяга пальцев ничем не облегчала боль. Он задыхался и извивался, пока ноги не подкосились и пальцы не перестали резать плоть. Так вот как он должен был умереть? Простертым между неиспользуемыми кроватями в общежитии для мальчиков? Окрасив бордовый цвет ковра своей кровью, слезами и потом? Этот недуг, чем бы он ни был, собирался сделать то, что не удавалось самому тёмному волшебнику за многие века, и он желал, чтобы он поторопился и закончил работу, как он это сделал.

Гарри с усилием поднялся на колени: если уж ему суждено умереть, то он сделает это на ногах. И, к его удивлению, от одного этого акта решительной ярости боль отступила; он настолько сосредоточился на том, чтобы подняться и не оказаться снова уткнувшимся лицом в ковёр, что боль не то чтобы забылась, но, по крайней мере, на мгновение перестала занимать его мысли. Окрылённый этим открытием, Гарри заставил своё тело пересечь комнату и пройти через открытую дверь в примыкающую к ней уборную, и каждый шаг утихомиривал боль, которая всего несколько минут назад заставила его сравнить свои кости с желатином.

Нехарактерно громкий взрыв воды, вырвавшийся из крана, и брызги ледяной воды, брошенные ему в лицо, помогли немного прийти в себя, хотя и не помогли успокоить трясущиеся руки или прояснить зрение, которое было мутным и вызывало головную боль.

Он глубоко вдохнул, на несколько секунд наполнив легкие воздухом, а затем выпустил кислород сильным порывом. Раз. Дважды. И снова. Привычная рутина заставила кровь, бьющую в глаза, замедлиться и, в свою очередь, успокоить руки. С каждым вдохом острое жжение агонии ослабевало, но все тело оставалось напряженным, он был наполовину уверен, что необъяснимая боль вернется в любой момент, и не хотел снова быть застигнутым врасплох. Он сгорал (на этот раз в метафорическом смысле) от желания понять, что же с ним произошло.

Что заставило его тело так жестоко восстать против него? И, похоже, единственный человек, имеющий хоть малейшее представление о случившемся, хранил нехарактерное молчание.

Благословенно твердые ноги вывели его обратно в главную комнату, где он снова оказался в одиночестве.

"Фред? Я ведь не спугнул тебя своими кривляниями и кривляниями?" От беспокойства у Гарри скрутило живот, когда он не получил никакого ответа. "Фред?"

Присутствие старшего мужчины и так вызывало тревогу, ведь он умер предыдущей ночью, но его исчезновение вызвало ещё большее беспокойство. Если бы Фред действительно был призраком, он мог бы поспешить на помощь Гарри, когда его пронзил первый приступ агонии, но что-то подсказывало ему, что это не так. Фред не был призраком, по крайней мере, не тем, к которому он привык, и он не просто забрел куда-то, он исчез. Гарри был уверен в этом.

Но он мог призвать его обратно, мог убедиться, что то, что на мгновение вывело его из строя, не причинило вреда и Фреду, - для этого нужно было лишь воспользоваться Камнем.

Камня больше не было в заднем кармане, как и палочки, а плащ упал с плеч. Но ничего страшного, он ведь изрядно повозился, и, скорее всего, они вырвались и теперь ждали, когда он их достанет. Только вот не достал.

Он упал в нескольких метрах между их с Роном кроватями, разорванная рубашка и капельки крови украшали небольшое пространство, но ни вокруг, ни под, ни сверху кровати Халлов не было.

Его палочка из остролиста все еще была на месте, просто в какой-то момент она перекатилась за изножье кровати. С её помощью он попытался вызвать Дары, сначала все вместе ("Акции Дары Смерти"), а затем каждое по отдельности. Ни одна пылинка не шелохнулась.

Паника и непреодолимое чувство неправильности подстёгивали его движения, когда он разрывал комнату на части в поисках трёх предметов; под кроватями Невилла, Дина и Симуса, между простынями и подушками, в уголках, к которым не прикасались месяцами, но всё равно тщательно обыскивали. И когда стало очевидно, что в спальне Хэллоуин не находится, он переместился в ванную комнату. Как раз в тот момент, когда он вытряхивал одно из множества аккуратно сложенных полотенец, дверь в общежитие со скрипом открылась, и в комнату вошли две пары шагов.

"Гарри? Ты здесь?"

На мгновение Гарри задумался о том, чтобы не отвечать, чтобы нырнуть в одну из душевых кабинок и надеяться, что Гермиона и Рон отправятся искать его в другом месте. Но тут Гермиона оказалась рядом, и её глаза нахмурились, как он ненавидел, когда она смотрела на разрушения, которые он произвёл.

"Что ты делаешь?"

Гарри на мгновение замешкался, ведь было совершенно очевидно, что он делает (хотя причина, скорее всего, была не столь очевидна), но он не собирался объяснять, почему она застала его в самый разгар разрушения аккуратной пирамиды из полотенец, занимавшей центральное место в ванной комнате мальчиков. "Я собирался принять душ".

Тонкие морщинки вокруг глаз Гермионы стали еще глубже, когда ее взгляд переместился с полотенца, свободно зажатого в его кулаке, вверх по руке, а затем остановился на его обнаженном торсе. "У тебя кровь".

Гарри почти забыл о линиях, которые он прорезал на своей коже в приступе агонической паники, они по-прежнему зудели и жалили, но он был слишком отвлечён, чтобы обращать внимание на лёгкое раздражение.

"Да, мне приснился кошмар. Это было плохо."

Он знал, что должен чувствовать себя виноватым за то, что использовал недуг, который когда-то серьёзно повлиял на него, чтобы избавить её от своего запаха, но Волдеморт был мёртв, и он ещё столько раз сможет использовать отговорку про кошмар, прежде чем она начнёт терять свою эффективность. Поэтому, пока ещё есть возможность, он может использовать его по полной программе.

<http://tl.rulate.ru/book/98824/3356653>